

СОДЕРЖАНИЕ

Весенняя лихорадка	5
Французские каникулы	187
Что-то не так	339

Весенняя лихорадка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ¹

Глава I

В Нью-Йорк пришла весна, на Пенсильванский вокзал пришел поезд, а в свой офис приел Эллери Кобболд, готовый выкачать из честных людей очередную порцию денег.

Прекрасное утро дышало пивом и новым бейсбольным сезоном. В жилах мистера Кобболда бродили соки. Он напоминал Капитал с карикатуры в рабочей газете, но чувствовал себя хорошо, так хорошо, что охотно пустился бы в пляс, а будь у него розы, принялся бы их разбрасывать.

Поднимаясь в лифте, он подсчитывал свои удачи и остался доволен. Фурункул на затылке поддался лечению. Гандикап в гольфе снизился до двадцати пяти. Стэнвуд, то есть Кобболд-младший, был в Лондоне, где его не достанут щупальца этой актриски. Сам он вот-вот закончит переговоры с Симмсом и Вайнштейном (Детройт) и Объединенной компанией по производству пилочек и пинцетов (Скрэнтон, Пенсильвания). Наконец, заглянув в блокнот, он убедился в том, что сегодня день рождения лорда Шортлендса.

¹ Перевод Н. Трауберг.

Легко вплывая в офис, мистер Кобболд увидел мисс Шарпл, свою секретаршу, как всегда — за работой. Конверты в мусорных корзинах свидетельствовали о том, что она просмотрела корреспонденцию и готова к ответу. Обычно ему писали Пинцеты-и-Пилочки, но сегодня подключились переговоры с Англией.

— Доброе утро, мисс Шарпл, — сказал он тем тоном, каким говорят: «Ну и утро; тра-ля-ля-ля!». — Записывайте.

— Сию минуту, мистер Кобболд.

— «Уэстерн Юнион».

— «Уэстерн Юнион», — повторила секретарша, изображая что-то вроде микроба с картины импрессиониста.

— Пусть позвонят... Как вы думаете, когда проснется английский граф?

Что-что, а это она знала.

— В одиннадцать, мистер Кобболд.

— В одиннадцать?

— Именно в это время просыпается лорд Пиблс из романа, который я читаю. Он звонит, и Мидоус, его камердинер, приносит алька-зельцер, а также анчоус на тосте.

Мистер Кобболд сердито фыркнул.

— *Грф*, а не шалопай, — пояснил он, — живет в замке, сегодня ему исполнится пятьдесят два года. Думаю, он просыпается в семь утра. Итак, в 7.00 по английскому времени они звонят графу Шортлендсу в Кент и поют песенку.

— Песенку, — пробормотала мисс Шарпл, присовокупляя две закорючки и одного стрептококка.

— Скажите, чтобы нашли певца с приятным тенором.

— Хорошо, мистер Кобболд.

— А может быть, лучше квартет?

— Наверяд ли, мистер Кобболд. Один голос больше впечатляет.

— Да? Словом, вот так. Это очень важно. Не хотелось бы, чтобы он подумал, что я забыл о его годовщине. Видите ли, лорд Шортлендс — глава нашего рода.

— Вы подумайте!

— Да. Его фамилия — Кобболд. Сын, лорд Бивер — в Кении, а остальные — просто Кобболды. Скажем, три дочери. Старшая замужем за неким Топпингом, мы с ним учились. Судьба — это судьба. Сижу как-то в клубе, листаю английский журнал, а там портрет исключительно красивой девицы с подписью «Леди Тереза Кобболд, младшая дочь графа Шортлендс кого». «Кобболд? — думаю я. — Интересно». Обратился к английским экспертам...

— И что же? Оказалось, что вы в родстве?

— Вот именно. Правда, дальнем. Написал я этому лорду, и не один раз, но он молчит. Как бы то ни было, в плюс-минус 1700 году один из младших отпрысков рода уехал в Америку.

Мистер Кобболд спохватился, заметив, что Дух весны побудил его к откровенности с подчиненной.

— Вот так, — закончил он. — Что нового? Романтическая секретарша предпочла бы рассказ о лордах, но понимала, что всему свое время и место.

— Симмс и Вайнштейн согласны, — сообщила она, заглянув в записи и перевода на обычный язык.

— Давно пора.

— А вот Пилочки — не совсем.

— Что им нужно?

— Они не все поняли.

— Я их вразумлю. Что еще?

— Телеграмма от мистера Стэнвуда.

- Просит денег?
- Да, мистер Кобболд.
- Так я и знал. Видимо, жизнь в Лондоне дороже, чем здесь.

Эллери Кобболд помрачнел, вспомнив куплет своей юности:

Мой сыночек У-ри-я
В королевстве Ан-гли-я
Хорошо живет,
Пляшет и поет,
Но не знаю, почему
Вечно хочется ему,
Чтобы мы его не забыва-а-ли,
Очень много денег присыла-а-ли,
Ах не знаю, по-че-му!

Однако чело его тут же разгладилось. Как бы то ни было, от Эйлин Стокер сын далеко. И Кобболд-отец стал диктовать письмо Пилочкам-и-Пинцетам, напоминая им, что мы приходим в мир не только для наслаждений.

Утро тем временем двигалось вперед со всеми своими заботами. Подошел и ушел час ланча. В шесть, окончив труды, мистер Кобболд отбыл в Грейт-Нек, на Лонг-Айленд, пообедал там и расселся в кресле, чтобы почитать вечернюю газету, поскольку говорливый попутчик не дал это сделать в поезде.

Однако теперь мешали мысли о сыне. Сонно посасывая сигару и прихлебывая виски с содовой, он сокрушался о том, что Стэнвуд увлекся актеркой. Узнав о недостойной страсти к голливудской звезде, несчастный отец дня два отказывался от второй порции спагетти, а его чувствительный гандикап держался на тридцати.

Сына он любил, но в разум его не верил. В колледже Стэнвуд играл в футбол, но этим дело ограничилось. На поле — король, ничего не скажешь, а вот насчет разума —

не густо. Словом, Кобболду-старшему казалось, что его надо спасать от самого себя.

Влюбился бы, честное слово, в леди Терезу! А то — звезда, видите ли! Да эти звезды не успеют зайти в дом, как требуют развода по несовместимости характеров. Разорит подчистую! А счета кто будет подписывать? Отец.

Мысли эти приводили Кобболда-старшего в умоисступление и, отсылая Стэнвуда в Англию, он приставил к нему слугу из слуг, который пленил его в бюро по найму роговыми очками. Финансовым магнатам хорошо. Пока мы чешем в затылке, они р-раз — и подпишут договор.

Итак, отец утешался тем, что три тысячи миль отделяют сына от его недостойной пассии. Посмаковав эту мысль, словно тропический плод, он наконец развернул газету.

Сперва он обратился к финансам, потом к юмору, который по-мальчишески любил, и затем его взгляд стал порхать по страницам, словно мотылек. Остановила его фотография весьма недурной особы с большими глазами, капризным ртом и светлыми локонами.

Он мгновенно очнулся. Особа смотрела на него так, словно нашла наконец сильного, надежного мужчину. Но суть не в этом; под фотографией стояла подпись:

Мисс Эйлин Стокер...

Кобболд-отец перекосясь, словно обнаружил в кресле змею. Эйлин, видите ли! Стокер, чтоб ее так! Кино он не любил, актрис не видел, а эта ему не понравилась. Сирена, решил он. Плетет сети. Только и ждет, как бы ограбить хорошего человека. Осторожно взглянув еще раз, он прочитал:

...любимая всеми кинозвезда...

Прямо сейчас, «всеми»! Кто их пересчитывал? Он, во всяком случае, к ним не принадлежит. Искусство не знает

границ и по всему миру множились клубы ее поклонников, но Эллери Кобболд не вступил бы ни в один из них, зато охотно поддержал бы сообщество, намеревающееся обмазать ее дегтем и выкатать в перьях.

Нижние строчки, помельче, он разобрал с трудом, но, разобрав, подскочил, словно пес, которому наступили на лапу тяжелым ботинком.

...приехала в Англию, чтобы сняться в двух фильмах на студии «Боннет и К°» (Лондон)...

Какое-то время он только пускал пузыри. Потом, собравшись с духом, кинулся к телефону.

— «Уэстерн Юнион», — потребовал он. — Алле! Это «Уэстерн Юнион»?

Он овладел голосом и произнес:

— Примите телеграмму.

Глава II

На следующее утро, примерно в тот час, когда просыпался лорд Пиблс, в Блокэм-хаусе (Парк-лейн, Лондон) спал молодой человек. У его кровати разместились цилиндр, брюки, вечерние туфли, два воздушных шарика и свистулька. Иногда он глухо стонал, словно страдая. Ему снилось, что его перекусила надвое акула, а это неприятно.

Мы не знаем, почему осторожно сказали «молодой человек». Скрывать нам нечего, то был Стэнвуд Кобболд, а заспался он потому, что пришел под утро с вечеринки, которую сам и давал в честь Эйлин Стокер, только что приехавшей в Англию.

Кроме горы, покрытой одеялом, мало что было видно, да и то не радовало глаз, поскольку природа, должно быть — из лучших соображений, одарила Кобболда-млад-

шего не только золотым сердцем, но и лицом приветливого гиппопотама. А каждый знает, что гиппопотамы, если ты на них не помешан, заслуживают лишь одного поверхностного взгляда.

В комнату мягко вошел слуга по имени Огастес Ворр. Он всегда входил мягко. До того как обратиться на религиозном собрании, он был преуспевающим взломщиком и привык ступать как можно тише.

Однако, войдя, он обрел и резкость — громко поставил поднос на столик и шумно раздвинул шторы.

— Эй! — крикнул он так, словно сзывал коров на дюнах Ди¹. Стэнвуд расстался с акулой и вернулся в мир. Там он немедленно сжал виски руками, заметив при этом: «О, Господи!» Ему показалось, что слуга, равно как и все остальное, сильно пожелтел.

— Завтр-рык, — прорычал упомянутый слуга, явственно полагавший, что обращается к глухому, который лежит в четверти мили от него. — Ешьте, пока не простыл. Вот яичко всмятку.

Некоторые слова доходят до глубин души. Одно из них — «яичко», тем более «всмятку». Чувствительный Стэнвуд задрожал.

— Унесите его, — сказал он мрачно и тихо. — И не громыхайте. У меня болит голова.

Огастес поправил роговые очки, пленившие Кобболда-старшего, и посмотрел на глыбу с рыбьими глазами, как смотрит пастух на непокорную овцу. Сам он был широким в плечах, лысым и ушастым. Глазки у него были маленькие, лицо — мучнистое. Иногда он цыкал зубом, чтобы выразить неодобрение.

¹ ...сзывал коров на дюнах Ди — отсылка к стихотворению Чарльза Кингсли (1819–1875).

— Голова, э? — переспросил он. — Сами виноваты, дорогуша. Слышал-слышал, как вы пришли. Всю мебель попрокидывали. «Дэ, — сказал я, — он еще дождется, близок день отмщения». Плач, дорогуша, и скрежет зубов, вот как! Что ж, проснулись — ешьте завтрак, а потом пробежитесь вокруг парка.

Такая перспектива добила Стэнвуда Коббодда. Он натянул одеяло повыше, чтобы не видеть Огастеса. Даже в самом лучшем состоянии он полагал, что слуга в роговых очках — это уж слишком.

— День-то какой! — не унимался тот. — Птички щебечут, дорогуша, чуть не лопнут. Ну — раз-два! Помойтесь, а я пока костюмчик приготовлю.

Как это ни трудно, Стэнвуд приоткрыл один глаз.

— Выпить дайте.

— Не дам, дорогуша.

— Вы уволены!

— Ну прям! Глупость какая, уволен! Выпить я вам не дам, а дам СРЕДСТВО. Сходил, это, в аптеку, спросил, что у них от перепоя.

Оглядев пузырек, Стэнвуд немного оживился, словно встретил старого друга.

— Да, — сказал он, встряхивая темную жидкость. — Бывало, принимал. Очень помогало.

Вынув пробку, он отхлебнул лекарство, и, хотя вид у него был такой, словно в него попала молния, ему явно стало легче. Как-никак он убрал руку, которой придерживал голову, чтобы не раскололась.

— Уф-фф! — произнес он.

Огастес все еще удивлялся, что его думали выгнать.

— Уволен, это надо же! Как же вы меня уволите, если папаша меня к вам приставил, на манер ангела? Прям и сказал: «Ворр...» Так и вижу: стоит, эт-та, в офисе,

жилетка расстегнута, и молит-просит. Значится, «Ворр, дорогуша, доверяю вам моего сына. Смотрите за ним, чтобы он стал такой, как вы».

— А как насчет взлома? — поинтересовался Стэнвуд.

— С этим я, дорогуша, завязал, — сухо ответил Огастес. — Прозрел, слава Господу, и завязал. А что ж это вы дружку своему сказали, что я, эт-та, взломщик?

— Ничего я не говорил.

— Уж прям, дорогуша! А как он узнал бы? То-то с вами и плохо, много болтаете. Третьего дня зашел я к мистеру Кардинелу, позаимствовать журнальчик, а он и спроси: «Значит, вы взламывали сейфы?». Я говорю: «А что?» Он говорит: «И фамилия ваша Ворр. Смешно получается!» Я говорю: «Мне пятьдесят семь человек на это у-ка-зы-ва-ли». Он говорит: «Что ж, поздравляю, у вас пятьдесят семь умных знакомых». И кладет, эт-та, мелочь какую-то в ящик, а ящик запирает. Нехорошо, дорогуша, обидно.

— Майк никому ничего не скажет, — заверил Стэнвуд.

— Не в том дело, дорогуша. Если кто спасен, нехорошо тыкать ему в морду былые грехи. Мистер Кардинел был на этой вашей вечерушке?

— Был, — сдержанно ответил Стэнвуд.

Мысль о друге вызывала неприятные воспоминания. На упомянутой вечеринке тот уделил слишком много времени мисс Стокер, а она, в свою очередь, не протестовала. Конечно, это ерунда, но Майк так непозволительно красив, что всякий воздыхатель заволнуется, тем более если у него нет иллюзий о собственной внешности.

— И не пил, — продолжал Огастес. — Он свою меру знает. Вот обедал тут, у нас, и что? Полбутылочки. Брали бы с него пример. Уж как страдает, как терзается, а пить — не пьет.